

ЛЕЙБНИЦ И БУРДЬЁ: РЕАЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ В СОЦИОАНАЛИЗЕ

Куликов Антон Кириллович – студент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
e-mail: anton.kuliko@yandex.ru

П. Бурдьё заимствует ряд идей и концепций Г.В. Лейбница и применяет их в своей теории социального пространства на систематической основе: лейбницианские теории реляционного физического пространства, реальной дефиниции, предустановленной гармонии становятся взаимосвязанными мыслительными средствами эмпирической социологии. В статье предпринимается попытка истолковать эпистемологическое значение того факта, что концепции Лейбница оказались плодотворны в социологии Бурдьё. Реальная дефиниция реляционного социального пространства не есть ни непосредственное отражение социальных структур, ни чисто формальные операции косвенного математического построения социального пространства, которые можно было бы отбросить по достижении результата. Построение реальной дефиниции входит в ее результат. Объективность этой дефиниции состоит не в том, чтобы достигнуть реальности «вещей самих по себе», а в том, чтобы в постепенно выстраиваемой системе чисто имманентных, чувственных знаков, в числовых зависимостях и специальных терминах выразить генезис чисто трансцендентных, недоступных простой рефлексии социальных отношений.

Ключевые слова: Пьер Бурдьё, Готфрид Вильгельм Лейбниц, социальное пространство, реальная дефиниция, предустановленная гармония, эпистемология

LEIBNIZ AND BOURDIEU: THE REAL DEFINITION IN SOCIOANALYSIS

Anton K. Kulikov – BA student.
National Research University Higher School of Economics.
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation;
e-mail: anton.kuliko@yandex.ru

P. Bourdieu borrows a number of ideas and conceptions of G. V. Leibniz and uses them in his theory of the social space in systematic fashion. The Leibnizean theories of the relation physical space, of the real definition, of the pre-established harmony become the interrelated reflective means of empirical sociology. This article attempts to interpret epistemic significance of the fact that the conceptions of Leibniz have appeared to be fruitful in sociology of Bourdieu. Sociological real definition defines a social fact not only by its distinctive features but first of all by its genesis, not in its static “what” but in historic “why”. In this perspective the real definition expresses the subject of sociological study and its method in the same time. And it is not the beginning of scientific research but its complicated result, to construct the real definition of a social fact means already to explain it. The real definition of the social space is neither direct reflection of social structures nor such purely formal operations of indirect mathematic construction of the social space which could be jettisoned after achievement of the result. The construction of the real definition is included in its result. The objectivity of this definition consists not in achieving the reality of “the things themselves” but in expressing genesis of purely transcendent, not accessible to simple reflection social relations in gradual construction of a system of purely immanent, sensual signs, in numeric dependencies and terms.

Keywords: Pierre Bourdieu, Gottfried Wilhelm Leibniz, the social space, the real definition, the pre-established harmony, epistemology

Занимаясь социологией Пьера Бурдьё и читая его как социолога, не стоит забывать, что свою выпускную работу в Высшей нормальной школе он защитил по математической философии Лейбница. Ключевая фигура немецкого Просвещения, классик рационализма и современный французский социолог, развивавший концепты практической логики и практического чувства... Сколь бы парадоксальной ни казалась их идейная связь, именно она во многом определила облик социологии Бурдьё. Собственно у теории познания нет ни причин, ни прав ставить под вопрос тот *факт*, что идеи Лейбница оказались плодотворны в исследованиях Бурдьё. Но для нее важен и любопытен вопрос, как этот факт должен быть *истолкован*.

В частности, о своей теории социального пространства Бурдьё говорил прежде всего как о «социальной топологии», *Analysis situs* в смысле Лейбница [Бурдьё, 2005а, с. 14]. Надлежит ли понимать эти слова реалистически как гипостазирование объективной организующей социальный мир «топологической структуры» (в терминах Н. Бурбаки), как превращение топологии в онтологию? Или вернее видеть в них ссылку на *technè* социологии, по сравнению с которым использование терминов Лейбница вполне можно расценить как философские «общие места»? Обеспечивает ли социологическое обращение к доктринам Лейбница лишь новые средства для решения ряда традиционных проблем социологии (например, существуют ли в обществе классы и сколько их? не следует ли «классы» заменить на бесконфликтную систему «страт»? каковы критерии той или иной «страты»? и т. д.) или оно позволяет существенно изменить саму постановку этих проблем? Как мы увидим, среди большинства последователей Бурдьё нет ни согласия, ни открытой дискуссии по этим вопросам, редко вызывающим у них профессиональный интерес. Представляется, что удовлетворительного, полного ответа на них не было дано до сих пор. Эта работа задумана как попытка определить систематическое и философское значение данных вопросов для понимания наследия Бурдьё, а также отыскать возможные пути их решения.

Приступая к теоретико-познавательному исследованию эмпирической теории, какой является социология Бурдьё, необходимо все же подходить к ней прежде всего с ее собственной мерой. Только поняв рабочее, эмпирическое значение преемственности Бурдьё по отношению к Лейбницу, мы сможем оценить также и ее философское значение. *Одно* мне хотелось бы заметить сразу – не в качестве постулата, а в качестве того, что дальше буду доказывать, – обращение к лейбни-

цианству в социоанализе носит систематический характер: заимствованные у Лейбница идеи здесь не просто *дополняют*, но *требуют* друг друга и работают лишь на систематической основе.

Теория социального пространства, «социальная топология» Бурдьё, во многом построена как экстраполяция Лейбницева реляционного пространства на социальный мир. В полемике с Кларком Лейбниц подчеркивает, что если абсолютное пространство, понятое как самостоятельная реалья наравне с заполняющими его объектами, не может зафиксировать никакой эксперимент, даже мысленный, то наука не имеет права ссылаться на эту реалью [Лейбниц, 1982, с. 482]. Для эмпирического познания дело состоит не в том, чтобы проникнуть за границы опыта и открыть «сущность» или «природу» пространства, а в том, чтобы систематизировать все наличные опытные данные и *соотнести их между собой*, а не с чем-либо абсолютным и уже не эмпиричным. Важно не вместилище объектов, а сами объекты, чьи фиксируемые в опыте свойства обуславливают систему различий, или отношений, – лишь этот косвенным путем выстроенный ансамбль отношений и может быть понят как пространство.

Косвенным – потому что необходимая для этого информация исходно относится лишь к самим объектам, однако конкретный смысл характеристики каждого из них получают лишь через отличие от характеристик остальных, т. е. в структуре всего пространства [Burdieu, Wacquant, 1992, p. 107]. **И это пространство уже не является однородным и бескачественным**, как пространство Ньютона, а объекты в нем – свободно переносимыми или взаимозаменяемыми, напротив, оно выражает жесткую систему позиций, которая в случае социального пространства интерпретируется как неравное распределение различных форм власти. Структура распределения власти, или капитала, конституирует пространство борьбы, в котором сама она выступает одновременно ставкой и орудием.

Относительные позиции в этой структуре отличаются друг от друга не как простые *суммы* свойств (не так, как если бы их в зависимости от n свойств можно было бы распределить по нескольким *заранее готовым* независимым шкалам в n -мерном *абсолютном* пространстве), иначе позиции понимались бы как отдельные *вещи*, а отношения между ними – как *вторичные* их обстоятельства. На самом деле каждая позиция – система *взаимоопределяющих* свойств, и отличаются позиции друг от друга лишь как такие системы.

Например, различие таких двух фракций «господствующего класса», как профессура и крупная буржуазия (скажем, различие в практикуемых ими способах утвердить свое отличие от рабочего класса, чем одновременно утверждается и их отличие друг от друга), – это различие не только в доходах или в уровне образования *самих по себе*, но различие между двумя типами *соотнесения* дохода и образования

(как и многих иных свойств). Экономический капитал буржуазии в целом превалирует над ее культурными активами, и потому ее предпочтения и стиль жизни отличаются от присущих пролетариату скорее количественно, чем качественно: буржуазия в целом тратит много больше, но, как и рабочие, тратит больше на пищу, становящуюся все более тяжелой и дорогой, чем на культуру и уход за собой.

Профессура, напротив, стремится утвердить свое отличие при наименьших материальных затратах: она тратит меньше на еду, становящуюся не столько дороже, сколько легче и экзотичнее, чем у рабочих, и куда больше – на культуру¹. Конкретные же *измерения* социального пространства, его «координатные оси», которые у Бурдьё интерпретируются как *формы капитала*, выступают уже обобщающим результатом соотношения позиций как *систем* отличительных свойств. Все эти свойства есть фиксируемые в опыте величины, они выражают не комплекс абсолютных значений, а систему связей и зависимостей (и поэтому остаются безразмерными), однако на их основе и выстраивается искомое пространство, ведь, как подчеркнул Лейбниц, «относительные вещи» имеют величину, так же как и абсолютные [Лейбниц, 1982, с. 483].

Когда Бурдьё отмечает, что «понятие социального пространства позволяет преодолеть альтернативу номинализма и реализма» [Bourdieu, 1990, p. 130], он мыслит в духе Лейбница, чье учение о монаде имеет неразрывно предметный и методический смысл: монада как субстанция неотделима от монады как стиля мышления, как рационального усилия по определению мира с точки зрения этой монады. Социальное пространство не является простым отражением, копией социальной реальности, и менее всего – реалистически-антропоморфной копией, но не является оно и инструментальной математической фикцией.

К примеру, использованное выше выражение «стремление утвердить свое отличие» не отсылает к сознательному и циничному стремлению отличаться или к конкретным действиям, сознательно направленным на его удовлетворение. Оно характеризует не человека, а чисто реляционные свойства позиции в социальном пространстве, которую только и можно описать через отличия от других позиций, а связанные с нею практики – как проявление этих отличий, несводимое к тому же к конкретным, видимым действиям. Например, новая работа такого ученого, как Эйнштейн, способна поменять структуру различий между всеми конкурирующими физиками вне прямого и намеренного их взаимодействия с Эйнштейном.

С другой стороны, эти слова – вовсе не *flatus vocis*, не имеющее отношения к эмпирическому миру: речь идет о социальном факте, состоящем в том, что существовать в социальном мире – значит отличаться и бороться за свое отличие, находит это отражение в воле и

¹ Этот пример относится к Франции 70-80-х годов (см.: [Bourdieu, 1996, p. 114–116]).

сознании людей или нет². Следовательно, социальное пространство – это одновременно программа исследования и его результат, *способ описания* опытных данных и конструируемый в результате этого описания *предмет*, объективная структура, определенная в ее необходимости и принудительности по отношению к индивидуальным сознаниям. Это подводит нас к почерпнутому у Лейбница *генетическому определению*: в социоанализе социальное пространство или конкретный «класс» в этом пространстве не достигаются в простом указании, не являются заранее готовыми предметами эмпирического анализа – социоанализ познает *не предметы, а предметно* – но генетическое их рассмотрение позволяет постепенно реконструировать объективную значимость этих социальных фактов, не отсылая к превышающей опыт «объективной» реальности.

Нигде социоанализ не следует Лейбницу так пунктуально, как в учении *о генетической и реальной дефиниции*. Лейбниц указывал на недостаточность номинального определения, принятого в традиционной логике, фиксирующего лишь набор статичных отличительных признаков некоторого объекта, его номинальных свойств. Определение приобретает смысл лишь тогда, когда оно включает доказательство того, что такой объект возможен, что понятие о нем не содержит внутреннего противоречия и не вступает в противоречие с другими понятиями, но, напротив, логически требуется ими. Это требование удовлетворимо лишь посредством задания в самом определении *способа построения* определяемого им предмета [Лейбниц, 1984, с. 104].

В своем *генетическом анализе классовой структуры Бурдьё* открыто ссылается на эту доктрину, говоря о номинальной и реальной дефиниции класса [Bourdieu, 1996, p. 103]. Номинальные свойства классов, спонтанная классификация на уровне предпонятий в дюркгеймовском смысле, складываются в обыденном здравом смысле, в политической риторике, особенно в таком важнейшем ее инструменте, как официальная статистика, в символической борьбе различных групп за представление о самих себе и т. д. Необходимо включить номинальные свойства в предмет рассмотрения, но не делать из них объяснительный принцип.

Определять группу или класс номинально, путем указания их *критерия или простого перечня критериев* – значит чисто теоретически гипостазировать их существование в качестве *множеств индивидов*. Выстроить класс в экспериментальном исследовании можно лишь как *корреляцию и взаимопределение* всех доступных в социо-

² «Существует *продукт различия*, – говорит Бурдьё, – который никоим образом не является *продуктом поиска* различия. Есть множество агентов – я думаю, к примеру, о Густаве Флобере – для которых существование в данном поле состоит в том, чтобы отличаться, в бытии отличными, в утверждении своего отличия – зачастую потому, что они наделены свойствами, такими, что им не следует быть здесь, что их следовало устранить на входе в поле)» ([Burdieu, Wacquant, 1992, p. 100]).

логическом опыте свойств рассматриваемых агентов. Только в этой корреляции каждое из них получает свое особое значение и «удельный вес». Поэтому любое указание на номинальное отличие группы неизбежно затрагивает и комплекс иных, неявных, ее отличий. Скажем, положение класса в отношениях производства, фиксируемое в виде профессии, дохода или диплома, включает в себя также ряд имплицитных требований к профессии и образованию: пол, возраст, национальность, положение в географическом пространстве (столичное, провинциальное происхождение и т. д.) и др.

Так, низкоквалифицированными рабочими по большей части оказываются женщины и эмигранты, а за доступ к высшему образованию они, по выражению Бурдьё, вынуждены заплатить ссылкой на «низший» факультет. Аналогично номинальные социальные изменения группы всегда подразумевают *комплексный процесс* ее реальных изменений: «старение» социальной категории обычно увязано с ее обеднением, материальным и символическим (например, фермеры, сельские жители), феминизация профессии – с ее падением в иерархии профессий, равно как феминизация или старение университетской дисциплины выражает ее обеднение и падение в иерархии дисциплин и т. д. [ibid., p. 103].

Конечно, это не значит, что все свойства равнозначны и что они на равных правах участвуют в формировании класса. Напротив – то, в частности, что некоторые из них номинальны, а другие реальны, принципиально важно. Например, группы, внешне соответствующие веберовским «статусным группам», основанные лишь на неформальном взаимном признании и отрицающие эксплицитные критерии отбора, кроме расплывчато понимаемых общих ценностей и *стиля жизни*, молчаливо предполагают наличие гомогенных *социальных условий доступа к такому стилю жизни*. Так, проанализированная Бурдьё в «Государственной знати» буржуазная «элита», семьи потомственных крупных предпринимателей, предъявляет требования таких манер и поведения, которые могут быть усвоены лишь в результате *продолжительного членства в группе*, а значит – высокого социального происхождения (например, избавление от акцента, практически невозможное для выходцев с окраин или из провинций). Они основаны на *капитале, отрицающем себя, символическом капитале*. Сдержанный (добровольно в отличие от вынужденных ограничений выходцев из народа) и благоразумный стиль жизни буржуазных «аристократов», которым нет нужды заявлять о себе и своем состоянии, исключаящий чрезмерные траты и демонстративную роскошь, – их орудие и ставка в символической борьбе с «нуворишами», одновременно вынужденными и склонными демонстрировать свое богатство [Bourdieu, 1996, p. 317–319].

Как подчеркивает Бурдьё, «“статусные группы”, основанные на том или ином “стиле жизни” или “стилизации жизни”, представляя собой, вопреки Максу Веберу, не какой-то род групп, отличный от классов, но господствующие классы, отрицающие себя – если угодно, сублимированные и тем самым легитимированные» [Бурдьё, 2001, с. 276]. Номинальные свойства таких групп не действуют автоматически и изолированно, но лишь в качестве таких, которые официально отрицают реальные критерии ее отбора, неявно напоминая о существовании того, что нужно официально отрицать. Также реальные свойства оказывают свое воздействие не напрямую, а лишь сквозь медиум номинальных свойств. Генетический анализ классов у Бурдьё *эпистемологически* противостоит реалистическим классификациям Вебера примерно так же, как универсальная характеристика Лейбница – традиционной геометрии. Если раньше фигуры описывались изолированно как отдельные замкнутые на себе образования, то у Лейбница они выводятся друг из друга по конструктивным правилам, так что каждая фигура становится понятной лишь как символ всей связи этих фигур [Кассирер, 2006, с. 92–95, 109–110]. Также и в социоанализе «стяжательные классы» и «статусные группы» описываются не как разные и просто сосуществующие социальные категории, а как необходимые моменты единого процесса производства и воспроизводства классовой структуры. Это очень яркий пример того, как реальная дефиниция у Бурдьё, согласно общей мысли Лейбница, задает именно *способ построения* «класса».

Итак – переходя на операциональный язык, – независимых переменных не бывает, каждая переменная определяется лишь в сложной конфигурации остальных. Так, для принадлежности к буржуазной знати образование значительно, но необязательно (хотя его значение возрастает в случае «наследника», которому нужно доказать, что «он не просто сын своего отца»), а богатство может даже навредить, если оно не сопровождается аристократическими манерами.

Другой пример. Если говорить об экономической власти как о доступе к руководящим постам крупнейших компаний, то – отвлекаясь сейчас от различия государственных и частных предприятий – хотя диплом и является основным, номинальным условием доступа к этим постам и служит жестким критерием отбора для выходцев из семей служащих или провинциалов, выходцы из знати, с другой стороны, оказываются среди высшего руководства практически независимо от уровня их диплома, а среди обладателей дипломов одного уровня предпочтение оказывается агентам более высокого происхождения³. Следовательно, пытаться *субстанциально* определить значение таких факторов неравенства, как образование, доход или знатность, – зна-

³ Ясно, что этот пример описывает Францию времен Бурдьё, а не универсальные закономерности – см.: [Bourdieu, 1996, p. 270].

чит иметь дело с бесполезными абстракциями, поскольку классовое положение конституируется не как векторная сумма этих факторов, а как исторически уникальная чисто реляционная система зависимостей между ними.

Более того – мы не можем довольствоваться частичными непосредственными зависимостями между лишь некоторым количеством переменных, абстрагируясь от остальных. Если зависимость между уровнем диплома и уровнем доступных карьер обусловлена также происхождением, полом, возрастом, национальностью и др., то и зависимость между половозрастным составом профессии и связанными с нею доходом и условиями труда нельзя вполне понять, не учитывая, что порвать с феминизированными профессиями означает для женщины порвать с народным или провинциальным происхождением, утвердить свое отличие от народных классов, а в противном случае – смазать это отличие. При этом нельзя забывать, что профессия всегда подтверждает или, напротив, обесценивает наследуемый культурный капитал, капитал семьи, воспроизводящийся, в частности, в образовательной квалификации, значение которой нельзя в свою очередь понять, не учитывая академические иерархии дисциплин, а значит – и их социальный и гендерный состав и т. д. *Все связано со всем*, иными словами – *нет таких двух переменных, между которыми можно было бы установить простую и непосредственную зависимость, реальны только многомерные, сложноопосредованные зависимости множества переменных*. Как сказано в «Различении», «необходимо порвать с линейным мышлением, которое признает лишь простые структуры прямых зависимостей, и попытаться реконструировать ту сеть взаимосвязанных отношений, которая присутствует в каждом из данных факторов... в которой каждый фактор оказывает воздействие на все остальные, так что множественность зависимостей ведет не к снятию зависимости, а к сверхзависимости» [Bourdieu, 1996, p. 107].

Мы видим, что установить эту сеть отношений можно лишь в *диахронном анализе* переменных как раскрывающуюся во времени. Распределение капитала, обобщающее многомерный анализ отношений и генетически описывающее классовую структуру, *преодолеывает оппозицию изменения и постоянства, следуя основным принципам монадологии*. Монада «продуктивна», она выражает постоянство конструктивного принципа, раскрывающегося в логике изменения монады. Ближайшим образом, «классы» в социологии Бурдьё выражают, *inter alia*, систему различий между *траекториями в социальном пространстве*, по которым агентам надлежит *перемещаться для того, чтобы остаться на месте*, утвердив свое классовое положение, – как напоминает Бурдьё, многие агенты «вынуждены постоянно изменяться, чтобы сохранять свою позицию» [Бурдьё, 2005b, с. 108]. Так, классы, обладавшие ранее монополией на высшее образование, в

условиях массового университета вынуждены изобретать новые стратегии использования образования, интенсифицировать инвестиции в образование и т. д., чтобы сохранить свое отличие.

Можно сказать, что метрика социального пространства объединяет в себе принцип его изменения и принцип инерции и воспроизводства – идея, истоки которой мы также обнаруживаем у Лейбница, чье физическое пространство в самом себе заключало принцип своей динамики. Это значит, что эмоционально нагруженная оппозиция между «предписанными» и «достигаемыми» статусами должна быть отброшена, как только мы понимаем чисто относительное значение каждой переменной и рассматриваем их генетически. Равно несостоятельной оказывается теория «мобильности», представляющая социальный мир наглядно-понятной лестницей, по которой можно двигаться «вверх», «вниз» и «по горизонтали», разрушающая многомерное пространство борьбы, сводя его к одномерной бесконфликтной иерархии «страт» [Bourdieu, 1996, p. 125].

Таким образом, становится ясно, как связаны между собой Лейбницева теория реляционного пространства, принципы монадологии и реальная дефиниция, какими их воспроизводит социологический анализ. Однако куда более глубокое и систематическое освещение они получают в связи с принципом *достаточного основания*, к которому Бурдьё переходит от принципа детерминизма [Bourdieu, 1984]. В ходе наших размышлений уже давно могло возникнуть подозрение в легковесности и искусственности всех подобных ссылок на Лейбница. Если кажется очевидным, что его теория пространства, а тем более – «достаточное основание» теряют здесь свой метафизический смысл и становятся некими приемами социологии, то не проще ли и правильнее говорить о них, не используя языка лейбницианства? Да, Бурдьё сам нередко ссылается на Лейбница, но не изменяется ли Лейбниц до неузнаваемости в таких исследованиях, о которых не мог и догадываться? На мой взгляд, подобный скепсис возможен лишь при одностороннем понимании и Лейбница, и Бурдьё. Метафизика Лейбница всегда шла рука об руку с его критикой познания, вопрос о мировом порядке, созданном бесконечным разумом Бога, – с вопросом о том, *что и каким образом* может знать об этом порядке конечный разум человека. Дело для него не в том, чтобы просто подчинить второй первому, но в том, чтобы утвердить *собственный статус* конечного перед лицом бесконечного. Потому принцип основания и требуемая им реальная дефиниция и не остаются в лоне логики и методологии, но приобретают глубинный смысл устройства самого бытия, каким оно выражается в человеческом познании как в одной из своих форм.

И мы видели, что у Бурдьё выстраиваемая в реальной дефиниции математическая структура социального пространства не относится к описываемым с ее помощью опытным данным ни как причина, или

«основание» в чисто логическом смысле, к следствию (принципа детерминизма недостаточно), ни как математическая «форма» к эмпирической «материи». Эта структура имеет неразрывно предметный и методический смысл, ее построение не допускает неких двух уровней бытия: глубиной структуры и ее поверхностных проявлений в опыте. В качестве объяснительной структуры она заново выражает опыт в чисто реляционной конструкции и без остатка растворяет его в ней, а в качестве структуры предметной единственная остается объектом научного изучения. В этом *двойном смысле* она и служит в социологическом познании искомым достаточным основанием. Когда социальные свойства пространства в идеале сводятся к его геометрическим свойствам, мы научаемся понимать социальные отношения и их динамику исходя из них самих, не обращаясь к внешним по отношению к ним силам или причинам. Тем самым основание объективного социального мира, его стабильности и изменчивости замыкается на нем самом *одновременно* с тем, как замыкается на себе социологическое мышление. Я не способен усмотреть в такой *предустановленной гармонии*, положенной в основу теории социального пространства, какой-либо *принципиальный* разрыв с лейбницианством, хотя оно и раскрывается здесь в неподвижном самом Лейбницем содержании. Смысл этой предустановленной гармонии мы сможем конкретнее определить далее.

* * *

До сих пор мы анализировали по преимуществу социологическое значение влияния Лейбница на Бурдьё: действительно, эмпирический *результат* построения реальной дефиниции социального пространства достигается одними только социологическими средствами, в систему которых Бурдьё встраивает и идеи Лейбница, как бы заставляя их работать на свои исследования. В *собственно философском* осмыслении нуждаются *принципиальные предпосылки и условия возможности* этого построения. Думается, разночтения последователей Бурдьё по этому вопросу неслучайны и даже ожидаемы: они не уникальны для современной социологии, аналогичные столкновения можно увидеть уже в науке и философии времен Лейбница. Особенно любопытна проанализированная Кассирером [Кассирер, 2011, с. 290] оппозиция Лейбницевой доктрины реальной дефиниции предмета математики и кантовской математической философии. Для первой выстраиваемая математическая структура должна быть очищена от всех чувственных компонентов, равно как и от образов созерцания, и всецело основана на правилах сочетания репрезентирующих ее знаков, так чтобы по одним только чувственным признакам этих знаков можно было бы судить о верности построения. Для второй каждое

математическое понятие для доказательства своей осмысленности и легитимности должно быть «схематизировано» в формах пространства и времени и приведено в область чувственного созерцания.

Среди последователей Бурдьё, кажется, можно выявить во многом аналогичную оппозицию (хотя она и не вытекает в открытое противостояние). По одну сторону находятся такие исследователи, как Жизель Сапиро [Sapiró, 2009], склонные выстраивать социальное пространство, конституирующие его «оси» и систему различий, *непосредственно* как образ созерцания, не только репрезентирующий, но и *обосновывающий* результаты их анализа. Это приводит их к социальному пространству как пространству абсолютному, при описании которого приходится идти от осей к агентам, а не наоборот, определять «группы» как простые бесструктурные множества индивидов, прибегать к реалистическим классификациям в терминах «идеальных типов» [Сапиро, 2004, с. 130]. Словом – на этом пути социологии пришлось бы во имя созерцательной простоты и ясности отказаться от целого ряда завоеваний теории социального пространства.

С другой стороны, ряд исследователей (к ним можно отнести, например, Фредерика Лебарона [Lebaron, 2009] – во Франции, Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанова [Качанов, Шматко, 2010] – в России) прибегают к конструированию пространства невысокой размерности лишь в качестве *визуализации* математической проекции многомерного социального пространства. Однако *значимость* этой реконструкции и ее *логический ход* не связаны ни с какими образами, так что она с равным правом может получить различные созерцательные выражения. Такую позицию можно было бы считать лейбницианской, если бы не характерный для этих исследователей неявный, нигде не зафиксированный эксплицитно, но эпистемологически значимый *разрыв* между *принципиальной* и конкретно *технической* стороной дела. Так, в работах Шматко математические техники построения социального пространства, с одной стороны, и его теоретический эскиз – с другой, «операциональный» и «концептуальный» смыслы этого понятия предстают *замкнутыми* на себе образованиями, *совместимыми*, но логически *не выводимыми* друг из друга [Шматко, 2011, с. 197–205]. Скажем, «капитал» как «фактор», полученный в ходе понижения размерности пространства распределения активных свойств, может быть технически описан и понят независимо от определений «капитала» как накопленной истории, заключенной в объективированной и инкорпорированной формах, и т. д. С другой стороны, это последнее определение само по себе не ведет к каким-либо конкретным математическим методам, и сами эти методы могут быть весьма различны.

Эта логика болезненно напоминает оппозицию «теории» и «методологии», которую критиковал Бурдьё. В действительности, как бы ни варьировались и ни усложнялись у этих ученых математи-

ческие приемы изучения социального мира, их формальные математические построения *не могут быть поняты исходя из них самих*. Лейбниц различал, но в то же время связывал интуитивное и формальное познание в математике: интуитивное постижение математических знаков наделяет их тем исходным смыслом, который формальная строгость универсальной характеристики призвана сохранить в ходе всех их сложных преобразований. Схожим образом философский смысл конструктивных принципов социоанализа, во многом унаследованных от Лейбницева учения о пространстве и о реальной дефиниции, присутствует на каждом этапе исследовательской работы и, явно или неявно, предпосылается ей. Даже простое фиксирование активных свойств изучаемых агентов уже нуждается в идее реляционного понимания пространства – например, Лебарон указывает, что установить какое-либо активное свойство можно, лишь измерив его значение для *каждого* из рассматриваемых агентов [Lebaron, 2009]. Это значит уже на начальном этапе работы *интерпретировать* активное свойство как чистую *систему различий*. Построение пространства позиций, каждая из которых сама выступает сложной системой свойств – хотя их математическое описание много превосходит возможности интуитивно понимания, – получает конкретный смысл также лишь исходя из общих, «интуитивных» (в Лейбницева смысле!) принципов реляционной связности и порядка. Единство различного, которое не означает ни простого тождества, ни простого обобщения «схожих черт», но заключает в себе лишь *порождающий принцип*. Такова основная *не образная* «интуиция» порядка и связи, которую нельзя формализовать, но которая сама делает понятным математический формализм.

Безусловно, верно, что описать конкретную структуру социального пространства – значит, как пишет об этом Шматко [Шматко, 2005, с. 560], **реконструировать исторически изменчивое напряжение сил**, что организуют это пространство в данный момент. Но эта реконструкция конкретных и изменчивых силовых отношений была бы невозможна, если бы в основе ее не лежала абстрактная, универсальная философская схема *реляционного пространства вообще*. Как писал Лейбниц, «не следует воображать себе двух протяжений: одного – абстрактного, протяжения пространства, другого – конкретного, протяжения тела, так как конкретное протяжение является таковым лишь благодаря абстрактному» [Лейбниц, 1983, с. 126]. В единстве абстрактного и конкретного, концептуального и технического сходятся интерес социолога к эмпирическому результату и интерес философа к его условиям и предпосылкам.

То, что с точки зрения социологической методологии выглядит у таких исследователей, как Качанов, приданием особого, даже решающего, значения приемам косвенного математического описания со-

циальных различий (путем понижения размерности и т. д.), в то же время ведет к эпистемологическому обеднению этих приемов. Если у Сапиро они оказываются излишними, потому что теория Бурдьё, по ее мнению, позволяет непосредственно «схематизировать» социальное пространство, то здесь они *de facto* становятся интеллектуальным ухищрением, значимым потому, что оно позволяет окольным путем подойти к искомому предмету исследования, но само не имеет ни предметного, ни философского смысла. Дело не в том, что без них можно обойтись, а в том, что по достижении результатов исследования их можно отбросить без потерь для результата.

Но в том и состоит смысл учения о реальной дефиниции, что только фиксируемый ею генезис предмета, способ построения и позволяет его определить, входит в сам этот предмет. Если вполне очевидно, что социальное пространство Бурдьё не схватывается напрямую в виде созерцательной копии исследуемого объекта, то, с другой стороны, не достигается оно и в попытке пробиться к этому объекту путем различных математических техник и формальных процедур. Не *объект* как таковой и не *формализм* как таковой придают смысл этому понятию. Его смысл заключается в *целостном процессе объективации*, в котором и конструктивные принципы в духе Лейбница, и современные исследовательские приемы получают свою относительную значимость в сплошном и непрерывном взаимном определении. Никакой отдельный принцип и никакая отдельная математическая техника не достигают каких-либо конкретных эмпирических результатов в изоляции, но только вся составляемая ими структура метода, логическое целое социологии, может в *чистом опосредовании* выразить и понять эмпирическое целое всех доступных опытных данных. Две эти целокупности увязаны не простым взаимно однозначным соответствием: первая отражает в себе вторую, полностью преобразуя ее, исходя из собственных задач и внутренней формы.

Стоит подчеркнуть, что математические средства не просто «подбираются» для основных принципов социологии социального пространства и механически сочетаются с ними, но *осмысливаются* и *упорядочиваются* ими. Если в зависимости от предмета и задач исследования мы выстраиваем пространства с разной метрикой и разным числом измерений, то это вовсе не означает, что одно «социальное пространство» разбивается на многие отдельные, не связанные между собой. Их связь теперь определяется не в обобщении схожих результатов различных и просто рядоположенных исследований, а в конструктивном правиле, по которому эти результаты варьируются в зависимости от целей и условий исследований, а одно исследование указывает на другое и даже требует его.

Опираясь на эти заключения, мы можем попытаться преодолеть те эпистемологические затруднения и двусмысленности, которые сохраняются даже у специалистов такого ранга, как Шматко. В одной из ее работ, посвященных теории социального пространства, читаем:

П. Бурдьё постулирует актуальное существование “социального пространства”, элементы которого он называет “позициями”. Основанием для такого постулирования является эпистемологический принцип доступности научному познанию только таких сущностей социальной действительности, которые тем или иным способом взаимодействуют друг с другом и с познающим субъектом. Предполагается, что социальное пространство, понимаемое как структура позиций, обеспечивает всеобщую действительную (а не только мыслимую социологом) взаимосвязь предметов социологического познания и является той минимально необходимой системой отношений, без которой данное познание невозможно [Шматко, 2005, с. 557–558].

Можно видеть, как в таких пассажах социолог колеблется между социальным пространством как «эпистемологическим принципом», предпосылкой, «без которой данное познание невозможно», и пространством как «действительной (а не только мыслимой социологом) взаимосвязи предметов», между своего рода номинализмом и реализмом, между имманентным и трансцендентным. Думается, необходимость постоянно переходить от первого ко второму и наоборот возникает именно в результате описанных ранее неявных разрыва и изолирования математических методов конкретных исследований, с одной стороны, и общих принципов социологии Бурдьё – с другой. Получается, что принципы эти должны присутствовать в каждом из весьма различных и по методам, и по содержанию исследований и в то же время – ни в одном из них. Их смысл становится абстрактным, их отношение к реальному предмету – неясным, но и объективный смысл варьирующихся приемов конкретной эмпирической работы при этом остается смутным, как бы чисто ситуативным. Исследователю приходится прибегать к несколько загадочным утверждениям о том, что выстраиваемая самим социологом структура социальных пространств «формально становится проявлением социальных структур, существующих в действительности», но при этом нельзя считать «поля» в смысле Бурдьё «реальными и объективными в том же смысле, в каком реальны и объективны вещи природы» [там же, с. 571]. Согласиться с такими формулировками можно лишь в том смысле, что подлинно объективными для науки никогда не могут быть какие-либо вещи, но только отыскиваемые и выражаемые на ее символическом языке общезначимые отношения, которые служат ей одновременно предметной и объяснительной структурой и в которых в равной степени запечатлеваются ее предмет и форма ее мышления. Наука не может и не должна разграничивать первое и второе – мы

убеждались в этом с первых шагов нашего анализа реальной дефиниции в социологии Бурдьё. Объективность этой дефиниции состоит не в том, чтобы достигнуть реальности «вещей самих по себе», и не в том, чтобы закрыть научное мышление в нем самом. Она заключается в том, чтобы по твердым правилам и стандартам в постепенно выстраиваемой системе *чисто имманентных*, чувственных знаков, в числовых зависимостях и специальных терминах, выразить генезис *чисто трансцендентной*, «не только мыслимой социологом», системы отношений. В такой *предустановленной гармонии* уже нет ничего метафизического, но ею действительно полагается тот познавательный принцип, без которого конечный, «символический», разум человека не смог бы сделать ни шагу в научном постижении мира.

Резюмирую. Реальная дефиниция в социоанализе означает новое понимание социологического предмета. Предмет социологии, такой как социальное пространство или конкретный класс в этом пространстве, не доступны более простому указанию, как реальные социальные сущности. Не являются они и чисто абстрактными трансисторическими структурами, но – только динамическими структурами, понимание которых состоит в описании их *исторического генезиса*. Постепенно и последовательно проводимая реконструкция этих структур находит свое основание не в непосредственном моделировании или отражении социальной реальности и не в применяемых при этом формальных операциях и математических техниках *самих по себе*. Осуществляемая вопреки предпонятиям (они учитываются в качестве номинальных свойств предмета), реальная дефиниция полагает необходимую связь, предустановленную гармонию между *субъективным* развитием *непосредственно* доступных мышлению методических требований и символических конструкций науки и *объективным* генезисом социальных фактов, доступных науке лишь в *чистом опосредовании*. Такая форма объективации социальных фактов в генетическом структурализме Бурдьё воплощает подлинное значение его систематического обращения к философии Лейбница.

Список литературы

Бурдьё, 2005a – *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис «классов» // *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; Алетейя, 2005. С. 14–49.

Бурдьё, 2005b – *Бурдьё П.* Стратегии воспроизводства и способы господства // *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; Алетейя, 2005. С. 97–121.

Бурдьё, 2001 – *Бурдьё П.* Практический смысл. / Пер. с фр.: А.Т. Биков, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Кассирер, 2006 – *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. М.: Гнозис, 2006. 400 с.

Кассирер, 2011 – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. III: Феноменология познания / Пер. с нем. А.М. Руткевича. М.: Акад. проект, 2011. 398 с.

Качанов, Шматко, 2010 – *Качанов Ю., Шматко Н.* Эффективность управления научно-исследовательским коллективом. М.: Университет. кн., 2010. 176 с.

Лейбниц, 1982 – *Лейбниц Г.В.* Соч.: в 4 т. Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровского и др. М.: Мысль, 1982. 636 с.

Лейбниц, 1983 – *Лейбниц Г.В.* Соч.: в 4 т. Т. 2 / Ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. И.С. Нарский. М.: Мысль, 1983. 686 с.

Лейбниц, 1984 – *Лейбниц Г.В.* Соч.: в 4 т. Т. 3 / Ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. Г.Г. Майоров и А.Л. Субботин; пер. Я.М. Боровского и др. М.: Мысль, 1984. 734 с.

Сапиро, 2004 – *Сапиро Ж.* Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации. // Журн. социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 5. С. 126–143.

Шматко, 2011 – *Шматко Н.* «Научная революция» в экономике // Символическая власть: социальные науки и политика. Socio/ЛОГОС'2011: сб. ст. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Университет. кн., 2011. С. 186–225.

Шматко, 2005 – *Шматко Н.* «Социальное пространство» Пьера Бурдьё // *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; Алетейя, 2005. С. 554–576.

Bourdieu, Wacquant, 1992 – *Bourdieu P., Wacquant L.J.D.* An Invitation to Reflexive Sociology. Cambridge: Polity Press, 1992. 333 p.

Bourdieu, 1996 – *Bourdieu P.* Distinction. A social Critique of the Judgment of Taste / Transl. by R. Nice. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1996. 614 p.

Bourdieu, 1990 – *Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power // In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology / Transl. by M. Adamson. Stanford: California, Stanford Univ. Press, 1990. P. 123–140.

Bourdieu, 1996 – *Bourdieu P.* The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power / Transl. by L.C. Clough. Cambridge: Polity Press, 1996. 475 p.

Bourdieu, 1984 – *Bourdieu P.* Le sociologue en question // *Bourdieu P.* Questions de sociologie. Paris: Minuit, 1984. P. 37–60.

Lebaron, 2009 – *Lebaron F.* How Bourdieu “Quantified” Bourdieu: The Geometric Modelling of Data // Quantifying Theory: Pierre Bourdieu / Ed. by K. Robson and C. Sanders. Springer: Science, Business Media, 2009. P. 11–29.

Sapiro, 2009 – *Sapiro G.* L'espace intellectuel en Europe: De la formation des États-nations à la mondialisation. XIXe-XXIe siècle. Paris: Decouvert, 2009. 410 p.

References

Bourdieu, P., Wacquant, L. J. D. *An Invitation to Reflexive Sociology.* Cambridge: Polity Press, 1992. 333 pp.

Bourdieu, P. *Distinction. A social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996. 614 pp.

Bourdieu, P. *Prakticheskiy smysl* [The Logic of Practice]. St. Petersburg: Aletheia, 2005. 562 pp. (In Russian)

Bourdieu, P. "Social Space and Symbolic Power", in: Bourdieu, P. *Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology*. Stanford: Stanford University Press, 1990, pp. 123–140.

Bourdieu, P. "Sotsial'noe prostranstvo i genezis 'klassov'" [Social Space and the Genesis of 'Classes'], in: Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of the Social Space]. Moscow: Aletheia, 2005, pp. 14–49. (In Russian)

Bourdieu, P. "Strategii vosproizvodstva i sposoby gospodstva" [Strategies of Reproduction and Modes of Domination], in: Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of the Social Space]. Moscow: Aletheia, 2005, pp. 97–121. (In Russian)

Bourdieu, P. *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*. Cambridge: Polity Press, 1996. 475 pp.

Bourdieu, P. "Le sociologue en question", in: Bourdieu, P. *Questions de sociologie*. Paris: Minuit, 1984, pp. 37–60.

Cassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form, T. III: Fenomenologiya poznaniya* [The Philosophy of Symbolic Forms, Vol. III: The Phenomenology of Knowledge.]. Moscow: Academic Project, 2011. 398 pp. (In Russian)

Cassirer, E. *Poznanie i deystvitel'nost'. Ponyatie substantsii i ponyatie funktsii* [Substance and Function]. Moscow: Gnosis, 2006. 400 pp. (In Russian)

Katchanov, Y. L., Shmatko, N. A. *Effektivnost' upravleniya nauchno-issledovatel'skim kollektivom* [Management Efficiency of a Research Group]. Moscow: Universitetskaya kniga, 2010. 176 pp. (In Russian)

Lebaron, F. "How Bourdieu 'Quantified' Bourdieu: The Geometric Modelling of Data", in: K. Robson & C. Sanders (eds.), *Quantifying Theory: Pierre Bourdieu*. Springer: Science, Business Media, 2009, pp. 11–29.

Leibniz, G. W. *Sochineniya v chetyrekh tomakh: T. I* [Collected Works in Four Volumes, Vol. 1]. Moscow: Mysl, 1982. 636 pp. (In Russian)

Leibniz, G. W. *Sochineniya v chetyrekh tomakh: T. 2* [Collected Works in Four Volumes, Vol. 2]. Moscow: Mysl, 1983. 686 pp. (In Russian)

Leibniz, G. W. *Sochineniya v chetyrekh tomakh: T. 3* [Collected Works in Four Volumes, Vol. 3]. Moscow: Mysl, 1984. 734 pp. (In Russian)

Sapiro, G. "Frantsuzskoe pole literatury: struktura, dinamika i formy politizatsii" [French Field of Literature: Structure, Dynamics and Forms of Politicization], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2004, vol. VII, no. 5, pp. 126–143. (In Russian)

Sapiro, G. *L'espace intellectuel en Europe: De la formation des États-nations à la mondialisation. XIXe-XXIe siècle*. Paris: Decouvert, 2009. 410 pp.

Shmatko, N. "'Sotsial'noe prostranstvo' P'era Burd'yo" ["Social Space" of Pierre Bourdieu], in: Bourdieu, P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Moscow: Aletheia, 2005, pp. 554–576. (In Russian)

Shmatko, N. A. "'Nauchnaya revolyutsiya' v ehkonomike" ["Scientific Revolution" in Economics], in: Shmatko, N. A. (ed.). *Simvolicheskaya vlast': sotsial'nye nauki i politika*. Moscow: Universitetskaya kniga, 2011, pp. 186–225. (In Russian)